

Сченснович В.Н.*

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ РОССИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.02

***Аннотация.** На современном этапе остаются актуальными проблемы миграции населения. При этом важен опыт РФ и стран Центральной Азии. В статье рассмотрены типология миграции, её государственное регулирование, отношение мусульманских религиозных организаций к адаптации и интеграции мигрантов в принимающее российское общество, сферы трудовой деятельности мигрантов-мусульман, проблемы, с которыми они сталкиваются. Особое внимание уделено квалификации и образованию мигрантов.*

***Ключевые слова:** Россия; Таджикистан; Казахстан; Киргизия; Узбекистан; трудовая миграция; заработки; высококвалифицированные специалисты (ВКС); высококвалифицированные мигранты (ВКМ); регулирование миграции; адаптация и интеграция мигрантов; отношение местного населения к мигрантам; миграция в период пандемии COVID-19; мечети и молельные дома; просветительское влияние духовенства.*

Введение

Современная миграционная ситуация в мире вызывает немалые угрозы в сфере безопасности (международный терроризм, экстремизм). В этой связи миграционные перемещения нуждаются в строжайшем контроле и государственном регулировании их последствий. Однако ни одна государственная структура не в состоянии гарантировать безопасность миграционных процессов, так как нелегальные мигранты проникают порой на территорию РФ нелегально, якобы для занятий трудовой деятельностью, а на деле готовятся к террористическим актам.

Тема внешней трудовой миграции в общественно-политическом дискурсе сегодня представляет значительный интерес. Если эксперты в целом положительно оценивают внешнюю миграцию, то часть российского общества видит в ней угрозу распространения наркотрафика, терроризма, экстремизма и бытовой преступности [4].

* Сченснович В.Н., научный сотрудник, Отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

В период пандемии COVID-19 трудовая иммиграция в России пошла на убыль. При этом сузились легальные пути для трудоустройства, возросло включение трудовых мигрантов в теневые схемы найма работников, расширились масштабы их незаконной занятости. В регионах усилились диспропорции между потребностью в рабочей силе и ее предложением. С одной стороны, в сфере занятости сформировалось множество «застрявших» трудовых мигрантов, лишенных средств на покупку продуктов питания, жилья, лекарств, оплату транспортных расходов и другие насущные нужды, что увеличило риски роста преступности, активизации экстремистских религиозных и террористических организаций. С другой стороны, в ряде регионов из-за отъезда мигрантов на родину и сокращения «возвратной миграции» отдельные отрасли – главным образом, строительство, сельское хозяйство и ЖКХ – стали испытывать нехватку рабочих кадров [10].

Типология миграции

Внешняя трудовая миграция в России подразделяется на две категории: безвизовую и визовую. В Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. отмечено, что с 2015 г. временная трудовая деятельность в России осуществляется по трем «страновым» критериям: 1) максимальные преференции отданы мигрантам из стран ЕАЭС (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия); 2) к мигрантам из стран СНГ, не входящим в ЕАЭС (Азербайджан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан), применяются правила «патентирования»; 3) мигрантам из остальных государств для осуществления временной трудовой деятельности нужно получить визу или патент (разрешение) на работу. Причем, согласно официальным данным МВД РФ, необходимые документы имеют лишь около 36%. Очевидно, что не оформившие документы мигранты занимаются временной трудовой деятельностью нелегально.

Большая часть мигрантов становятся нелегалами по комплексу причин. Сведения о российском трудовом законодательстве они, как правило, получают от знакомых и родственников или в социальных сетях, но эти данные часто недостоверны. К тому же для оформления документов у мигрантов есть всего 30 дней. Чтобы ускорить процесс, они часто обращаются к сомнительным посредникам, занимающимся мошенничеством. Спустя месяц некоторые предприниматели сами переводят мигрантов на нелегальное поло-

жение, имея возможность манипулировать такими работниками, и в ряде случаев не выплачивают им зарплату [14].

Государственное регулирование миграции

Концепция государственной миграционной политики ставит задачи содействия переселению соотечественников, привлечения и адаптации востребованных категорий трудовых мигрантов из визовых стран. При любом развитии социально-экономической ситуации в РФ, увеличении или снижении потребности в иностранной рабочей силе (ИРС) прогноз динамики спроса и предложения на нее на российском рынке труда становится насущной проблемой для дальнейшего развития страны [9]. В.В. Комаровский считает, что система регулирования приема и отсева визовых трудовых мигрантов требует существенного реформирования. Необходим полный набор инструментов регулирования миграционного притока ИРС – «от механизмов привлечения и рекламы», до комплекса «ограничительных мер при избытке предложения» или «недостатке спроса на рынке труда» [6, с. 31].

Адаптация и интеграция мигрантов-мусульман в российское общество

Непосредственные задачи по социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан в РФ и обеспечению межнационального мира и согласия возложены на Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН). Вместе с тем необходимо учитывать, что значительная часть мигрантов не ориентирована на интеграцию, нередко они не принимают нормы жизни и традиции России. Причину этого социологи видят в высокой степени анклавизации, когда у приезжих нет потребности общаться с местным населением. А горожане боятся таких «анклавов», не могут чувствовать себя рядом с ними безопасно. Исследователи отмечают незаинтересованность местного населения в интеграции мигрантов. Поскольку интеграция предполагает межэтнический диалог между принимающим сообществом и мигрантами, лучшей средой для такого диалога, подчеркивает О.В. Кульбачевская, являются образовательные учреждения [11].

Анализируя роль религиозного фактора в вовлечении мигрантов в социокультурную, языковую и этнорелигиозную среду принимающего сообщества, доктор социологических наук В.Ю. Леденева

(ФНИСЦ РАН, г. Москва) и докторант Б.Т. Бегасилов (Университет Нархоз, г. Алматы, Казахстан) [13] оценивают роль диаспор в формировании религиозной идентичности мигрантов. Основным механизмом адаптации мигрантов в России служат клановые, родственные и национальные связи, когда делается «выбор в пользу этнического сообщества» [13, с. 124]. Трудовая миграция во многом является почвой для развития транснациональных религиозных сетей. Проблемы трудоустройства мигрантов часто решаются именно религиозными сетями.

В России действуют советы по взаимодействию с религиозными организациями, централизованные религиозные организации, общественные национальные сообщества, которые могут координировать работу по адаптации мигрантов. Мусульмане-мигранты, большинство которых находится в крупных российских городах, из-за нехватки мечетей, молельных домов оказываются вне сферы влияния представителей мусульманского духовенства. Тогда как, по мнению доктора философских наук Т.С. Прониной (ЛГУ им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург), «просветительское влияние духовенства, ориентированное на культивирование общероссийской идентичности, могло бы способствовать адаптации и препятствовать тенденциям добровольной сегрегации мигрантских сообществ» [16, с. 238]. Это мнение разделяет аспирант Финансового университета при Правительстве РФ С.А. Водопетов (г. Москва) [2]. Интеграция мигрантов в социокультурные рамки российского общества возможна, считает он, если не допускать появления «обособленных агломераций, не стремящихся к внедрению в гражданские институты России», следует ввести тест на знание русского языка при трудоустройстве. Для решения этих задач необходимо обновить концепцию миграционной политики РФ и привести ее «в соответствие с текущими вызовами» [2, с. 25].

Проблемы мигрантов при трудоустройстве в России

Дискриминация выходцев из Азии происходит главным образом из-за другого менталитета, они придерживаются иных традиций и обычаев, не принимают уклад жизни россиян, живут обособленно. Кроме того, существенную роль играют опасения об их возможной причастности к террористическим структурам. Негативное отношение местного населения к мигрантам связано и с мнением, что они занимают рабочие места россиян. Нередки сегодня и факты коррупции при трудоустройстве мигрантов. Вот толь-

ко часть проблем, с которыми сталкиваются мигранты при устройстве на работу в России.

Сферы деятельности мигрантов из ЦА на рынке труда

Главной причиной роста иммиграции из государств СНГ в Россию, по мысли М.Г. Хохловой [17, с. 221], стала «демографическая яма», образовавшаяся в 1990-е годы и приведшая к нехватке специалистов: за последние 10 лет население РФ в возрасте 20–24 лет значительно сократилось (с 12 млн до 7 млн человек). Кандидат социологических наук Н.В. Латова [12] (Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва) рассматривает имеющийся в стране потенциал для частичного урегулирования проблемы «квалификационной ямы» и связанного с ней использования человеческого капитала. При этом исследователь отмечает, что проблема миграции как актуализации человеческого капитала более существенна и актуальна для высокообразованной, профессионально подготовленной группы специалистов.

Если в 1990-е годы в Россию в поисках работы из стран СНГ прибывала чаще всего малоквалифицированная рабочая сила, то распространение Интернета привело к росту количества иммигрантов-программистов. В 2021 г. увеличилось число запросов на работу в России от IT-разработчиков из стран СНГ.

Причиной дефицита рабочей силы на российском рынке труда оказался в том числе отток мигрантов, преимущественно занятых в производственном секторе, в связи с пандемией COVID-19. В отличие от них, в IT-секторе «дистанционная работа» нередко стала преобладать из-за готовности мигрантов трудиться за меньшую зарплату [17, с. 222]. Новые формы занятости, позволяющие работать дистанционно, делают возможным обучение профессиям нематериального производства без значительных затрат средств [17, с. 226].

Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда

Доктор социологических наук В.И. Мукомель [15] (г. Москва) рассматривает особенности занятости мигрантов высокой квалификации из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Анализ

показал, что основная масса трудовых мигрантов из этих стран имеют среднюю квалификацию (84,3%), доля высококвалифицированных трудовых мигрантов (ВКМ) – 12,1%, а низкоквалифицированных – 3,6%. Доля ВКМ в Киргизии составляет 15%, в Таджикистане – 14, в Узбекистане – 10%. При этом женщины существенно образованнее мужчин: если только 10% мужчин имеют высшее и неполное высшее образование, то среди женщин их – 17,8%. В Россию, как правило, едут работать наиболее образованные женщины и менее образованные мужчины из стран-доноров.

Несмотря на то что значительная часть среднеазиатских ВКМ заняты на неквалифицированных работах, чаще всего они позитивно оценивают свою работу в России. Учитывая неопределенность перспектив возвращения ВКМ из других государств постсоветского пространства на российский рынок труда, В.И. Мукомель прогнозирует: «В ближайшие годы мигрантские ниши труда высокой квалификации будут заполняться из основных стран-доноров» – государств Средней Азии [15, с. 201].

Внешняя миграция населения Казахстана за годы независимости

Кандидат экономических наук З.К. Чуланова [18] (Институт экономики Республики Казахстан) отмечает специфику современного миграционного процесса в Казахстане. В течение длительного периода внешняя миграция населения республики носила в основном эпизодический характер с целью служебных командировок и туристических поездок. Активизация миграции населения из Казахстана в другие государства произошла с приобретением независимости. Проводимая политика «открытости» страны, либерализация взглядов в отношении эмиграции способствовали усилению миграционных процессов из Казахстана в другие страны, что привело к потере трудового потенциала. За период 1996–2000 гг. большое число эмигрирующих пришлось на Россию, Германию, Узбекистан, Украину, Беларусь, Киргизию и Израиль.

Поскольку из Казахстана мигрируют преимущественно люди с высшим образованием, актуальной для страны является «утечка мозгов». Изменить ситуацию с эмиграцией научных кадров и высококвалифицированных специалистов могут политическая и экономическая стабильность, накопление ресурсов для инвестиций в науку и инновационную деятельность.

Значимым трендом в республике является образовательная миграция. Каждый десятый казахстанский студент получает высшее образование за границей. Потенциал «невозвратной миграции» молодых людей, выехавших из стран региона на работу или учебу, оценивается в 30–35% с тенденцией к росту. Около 20 тыс. студентов, обучающихся за рубежом, в дальнейшем могут остаться за границей. «Образовательная миграция рассматривается значительной частью молодых граждан государств Центральной Азии, как трамплин для последующей эмиграции из страны» [18, с. 44].

Исследователь делает выводы: в настоящее время в миграции населения Казахстана определяющую роль играют «социально-экономические факторы, прежде всего: низкий уровень промышленного производства в республике; изменения в структуре экономики, превалирование сферы торговли и услуг как следствие невостребованности квалифицированных кадров; высокий уровень безработицы – как явной, так и скрытой; рост молодежной безработицы; несоответствие профессиональной и квалификационной подготовки выпускников учебных заведений требованиям рынка труда, переизбыток гуманитарных специальностей; отставание в уровне и качестве жизни от экономически развитых регионов РФ [18, с. 44].

Внешние трудовые мигранты из Киргизии

Доктор исторических наук А.Р. Джоошбекова [3] (г. Бишкек) отмечает, что в начале 1990-х годов в Киргизии миграционные обмены населением с соседними странами уменьшились, но возросли с рядом стран вне СНГ. Для трудовых мигрантов из Киргизии наиболее привлекательными являются Россия, Казахстан, Турция, европейские страны, Южная Корея. Миграционные перемещения из Киргизии показывают доминирование личных мотивов, они сводятся к поиску более предпочтительных условий для жизни. При этом превалируют социально-экономические факторы, призванные повысить уровень и качество жизни выбывающей семьи.

С середины 2000 г. в республике наблюдается тенденция к увеличению интенсивности миграционного оттока населения и трансформации мотивов территориального перемещения, она является следствием ухудшения социально-экономического положения в Киргизии. Прежде всего, это несбалансированность рынка труда, нехватка рабочих мест, низкий прожиточный минимум занятого населения, недостаточный уровень социального обеспечения.

За последний период в распределении эмигрантов по уровню образования отмечается повышение удельного веса лиц с высшим и средне-специальным образованием. Увеличение оттока из республики квалифицированных кадров подтверждает развитие неблагоприятных для общества тенденций, следствием которых может стать дефицит на профессиональную рабочую силу [3, с. 257].

Миграция из Таджикистана в регионы азиатской части России

Кандидат исторических наук А.А. Авдашкин [1] (Челябинский гос. ун-т) рассматривает миграцию из Таджикистана в Уральский и Сибирский регионы России. В особо сложном положении оказалось население Таджикистана в период пандемии COVID-19. Перед началом пандемии республика являлась одним из основных поставщиков иностранной рабочей силы (ИРС) на российский рынок труда. Поскольку темпы создания новых рабочих мест в Таджикистане намного ниже темпов естественного прироста населения, в этих условиях заработки в России во многом служат выходом для республики.

Однако нужно иметь в виду, что приезжие из Средней Азии слабо защищены от дискриминации, проживают изолированно, составляя группу мигрантов, наименее интегрированных в общество. Кроме того, в России отношение к иноэтничным мигрантам часто характеризуется как негативно-безразличное. Для Урала и Сибири, переживающих миграционную и естественную убыль, вероятным источником роста этнофобий служит тренд на сокращение численности «славянского» населения».

Значительное сокращение населения, особенно в азиатской части страны, ставит вопрос об источниках восполнения дефицита рабочей силы. Компенсировать нарастающую убыль возможно, по убеждению А. Авдашкина, только за счет миграции: «Среднеазиатское направление на ближайшие годы является одним из приоритетных, даже несмотря на сокращение миграционного притока» [1, с. 147].

Внешняя трудовая миграция в Узбекистане

О необходимости эффективного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Узбекистан пишет кандидат экономических наук Ш.Н. Исакулов [5] (Академия государственного

управления при Президенте Республики Узбекистан, г. Ташкент). Автор статьи анализирует демографические тенденции в республике, выявляет движущие факторы миграции, определяет проблемные вопросы в ее регулировании.

Демографические тенденции в Узбекистане (за последние 50 лет население страны увеличилось в 2,86 раза, составив 35 млн человек) и высокий прирост трудовых ресурсов (на 500–600 тыс. человек в год) создают нагрузку на внутренний рынок труда. В связи с этим наблюдается большой поток трудовых мигрантов в зарубежные страны, в котором ведущее место занимает Россия. Кроме того, в условиях независимости Узбекистан столкнулся с новыми видами миграций, такими как вынужденная миграция, потоки беженцев в страну, незаконная миграция. В этой связи учет, регулирование, снижение негативных факторов миграции являются важными задачами государства. В Стратегии действий Узбекистана на период 2017–2021 гг. были предусмотрены разработка и утверждение законопроектов, направленных на эффективное использование и предотвращение утечки за рубеж высококвалифицированных кадров для государственной службы и занятости в отраслях экономики, разработка проекта «Закона о внешней трудовой миграции».

В целом Узбекистан является одним из наиболее обеспеченных трудовыми ресурсами государств. На его долю приходится более 40% трудовых ресурсов Центральной Азии, что определяет значимость трудового потенциала в регионе. По убеждению Ш. Исакулова, ежегодно высокий прирост населения «необходимо эффективно использовать в национальных интересах, в первую очередь, на внутреннем рынке труда, а избыточные ресурсы оптимально размещать на высокопродуктивных рынках зарубежных стран, направлять на наращивание человеческого капитала страны в процессе временной внешней трудовой миграции в индустриально развитые страны мира» [5, с. 165].

Социологические опросы подтверждают: для большинства узбекистанцев в целях трудоустройства наиболее привлекательной является Россия, о чем заявили более 60% респондентов. Это во многом является следствием наличия безвизового режима между Узбекистаном и Россией, развитости мигрантских сетей и этнической диаспоры. В последние годы налаживаются организованные централизованные направления трудовых миграций из Узбекистана в Россию, Казахстан, Республику Корея, Турцию. Из общего количества трудовой миграции в России работают 1192,8 тыс.

граждан Узбекистана (71%), в Казахстане – 209,3 тыс. (12%), в Южной Корее – 62,3 тыс. (4%), в Турции – 43,2 тыс. (3%) узбекистанцев.

Заключение

Перед началом пандемии COVID-19 Таджикистан являлся одним из основных поставщиков иностранной рабочей силы на российский рынок труда. Пандемия изменила динамику миграционных процессов в Казахстане: впервые за последние годы сократилось количество выезжающих.

Экономические факторы обусловили рост внешней миграции в Киргизии. Интенсивность миграционного оттока населения явилась следствием ухудшения общего социально-экономического положения в республике. Россия является основной страной притяжения для трудовых мигрантов из Узбекистана. Пандемия COVID-19 привела к снижению миграционных потоков в мире. В итоге многие трудовые мигранты приняли решение о возвращении в свои страны, в том числе и в Узбекистан.

Мигранты стали одной из наиболее уязвимых групп в период пандемии. Вместе с тем высококвалифицированные мигранты продемонстрировали высокий потенциал адаптации к трансформации рынка труда. В условиях практического отсутствия на российском рынке труда мигрантов из Белоруссии, Молдовы и Украины в средне-срочной перспективе возможен рост миграции из государств Центральной Азии.

Граждане республик Центральной Азии стремятся уехать за рубеж в тех случаях, когда не могут найти себе применения на рынках труда на родине. При этом решающее значение имеют полученное ими образование и квалификация. Поскольку государствам ЦА присущ разный уровень социально-экономического развития, миграционные процессы в них существенно отличаются. Необходимо учитывать, что образование и квалификация мигрантов из региона Центральной Азии не всегда котируется в странах Европы. Поэтому чаще всего они едут работать в Южную Корею, Турцию, а главное предпочтение отдают России.

Литература

1. *Авдашкин А.А.* Миграция из Таджикистана в регионы азиатской части России: современная ситуация и риски // Вестник Омского ун-та. 2021. С. 143–151.

2. *Водопетов С.А.* Миграционные процессы как фактор обеспечения демографической безопасности Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 5. С. 22–25.
3. *Джоошибекова А.Р.* Социально-демографический портрет внешних трудовых мигрантов из Кыргызстана // Стратегические ориентиры развития Центральной Азии: история, тренды и перспективы. Сб. научных статей международного научно-образовательного форума. Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург. 2021. С. 254–259.
4. *Зорин В.Ю., Бурда М.А.* Формирование и институализация государственной миграционной политики в современной России // Politbook. 2020. № 1. С. 113–128.
5. *Исакулов Ш.Н.* Проблемы и возможности эффективного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Узбекистан // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 161–174.
6. *Комаровский В.В.* Роль внешней трудовой миграции в миграционной политике России // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2 (43). С. 19–32.
7. *Комаровский В.В.* Роль и место внешней трудовой миграции в структуре иностранной рабочей силы // Социально-трудовые исследования. 2020. № 41. (4). С. 80–93.
8. *Комаровский В.В.* Проблемы регулирования трудовой миграции в современной России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 3. С. 105–110.
9. *Комаровский В.В.* Россия и СНГ: динамика миграционных потоков // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 2 (47). С. 151–170.
10. *Красинец Е.С., Шевцова Т.В.* О последствиях влияния пандемии COVID-19 для трудовой миграции в Россию // III Всероссийский демографический форум с международным участием. Материалы форума. М., 2021. С. 234–237.
11. *Кульбачевская О.В.* Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в России: к вопросу о межкультурном взаимодействии // Вестник антропологии. 2020. № 4 (52). С. 136–152.
12. *Латова Н.В.* Миграционные установки и предпочтения российских специалистов в контексте концепции человеческого капитала // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4 (164). С. 429–450.
13. *Леденева В.Ю., Бегасилов Б.Т.* Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 118–130.
14. *Михайлова О.В., Бурда М.А., Гришин О.Е.* Государственная миграционная политика России: актуальные вопросы внешней трудовой миграции // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 4 (142). С. 9–15.
15. *Мукомель В.И.* Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии в России // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 186–204.
16. *Пронина Т.С.* Миграция в современной России и религиозный фактор // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2020. № 3. С. 225–240.
17. *Хохлова М.Г.* Трудовая миграция в СНГ и российский рынок труда // Россия новые государства Евразии. 2021. № 4 (53). С. 221–227.

18. Чуланова З.К. Внешняя миграция населения Казахстана за годы независимости // The Scientific Heritage. 2021. № 76-2 (76). С. 37–45.

Schensnovich V.N.

**Problems of population migration:
the experience of Russia and Central Asian countries**

Valentina N. Schensnovich,

Research Associate, Asia and Africa Department,

INION RAN,

e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Abstract. At the present stage, the problems of population migration remain relevant. At the same time, the experience of the Russian Federation and Central Asian countries is important. The article examines the typology of migration, its state regulation, the attitude of Moslem religious organizations to the adaptation and integration of migrants into the host Russian society, the spheres of labor activity of Moslem migrants, the problems they face. Special attention is paid to the qualifications and education of migrants.

Keywords: Russia; Tajikistan; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Uzbekistan; labor migration; earnings; highly qualified specialists; highly qualified migrants; migration regulation; adaptation and integration of migrants; attitude of the local population to migrants; migration during the COVID-19 pandemic; mosques and prayer houses; educational influence of the clergy.